

СТО ЖИЗНЕЙ — В ОДНОЙ

ЕСТЬ в работе артиста театра одна коварная особенность: труд его не поддается никакой материализации. Результаты творческой деятельности мастеров сцены остаются лишь в зыбкой зрительской памяти и в сознании самого артиста. Да еще — в пожелтевших вырезках газетных рецензий.

Сценическая жизнь заслуженного артиста РСФСР Виктора Семеновича Ростовцева пролегла длиною в четверть века. Но большая часть ее нам неведома. Поэтому сегодня, пожалуй, уместно говорить только о последних работах актера, достаточно хорошо известных зрителям Верхневолжья.

Вспомните в галерею обра-

зов, созданных Ростовцевым на калининской сцене. Всем им свойственно нечто общее: многогранность, цельность характера, богатство духовного мира. Артиста не интересуют люди-схемы. Его влекут натуры сложные, противоречивые, которые не уложиться ни в какие однозначные определения; люди, которыми владеет «одна, но пламенная страсть». Лир и Шуг («Король Лир»), Эзоп («Лиса и виноград»), доктор Устименко («Дело, которому ты служишь»), профессор Колчанов («Физики и лирики»). Могучие личности, своеобразные интеллекты! Если же ему доведется играть роль человека, пусть хорошего, симпатичного, но безнадежно стереотипного, как, например, архитектор Воронцов («Так и будет»), он остается внутренне холодным и равнодушным. И тогда образ выстраивается голым мастерством опытного артиста, не согретым теплом его души, и вот уже нет на сцене всего того, за что мы любим и ценим Ростовцева. Только это не вина актера, это его беда. Ибо далеко не всегда свободен он в выборе роли.

Я незнаком с творческой лабораторией Виктора Семеновича. Да и вообще сомневаюсь, чтобы в нее кто-либо был вхож. Ведь в сущности это очень интимно — процесс создания образа, вживание актера в него. Поэтому не могу сказать, какими путями постигает он с предельной ясностью и глубиной то единст-

венно главное, что отличает именно данного героя от всех остальных людей. Но он это делает. Всегда. В любой роли. Персонаж, созданный Ростовцевым, непременно личность. Положительная или отрицательная — в зависимости от драматургического материала, — но всегда личность, всегда характер.

Разумеется, Ростовцев в высокой степени владеет актерской техникой и в полной мере ее использует. Более того, ему органически свойственны большая сценическая культура, бесценное чувство такта. При всем том работа его, скажем, в роли Якова («Последние» М. Горького) никак не уместается в совокупность приемов игры. Здесь мы становимся свидетелями великого чуда абсолютного перевоплощения. Одна умная и чуткая зрительница, врач по специальности, после окончания спектакля полусерьезно сказала:

— Вы знаете, когда я смотрела на Якова — Ростовцева, мне мучительно хотелось немедленно вызвать «Скорую»; у Якова было явно прединфарктное состояние. Хорошо, верно сказано. И нетрудно понять Виктора Семеновича, когда он признается, что после каждого представления «Короля Лира» несколько дней ощущает себя внутренне опустошенным: так много душевных сил, эмоциональной энергии отдается воплощению Лира.

Однако было бы неверным из

того делать вывод, что Ростовцев растворяется в роли. Его личное отношение к сценическим обстоятельствам — неприменный компонент создаваемого образа. Но он внимательно, пристально всматривается в него только в стадии работы над ролью. В спектакле же актер-аналитик бесследно исчезает. Он уступает место художнику, взаправду живущему на сцене судьбою и поступками своего героя. Это уже не условности игры, не лицедейство. Это — театр, та самая «жизнь человеческого духа», которую требовал от актеров великий Станиславский.

Любая творческая работа Ростовцева — импульс к позитивному размышлению зрителя, уже за стенами театра, к лучшему пониманию себя и окружающего мира.

В этом сезоне Калининский драматический театр возобновил постановку «Короля Лира» с существенно обновленным составом исполнителей. Те из любителей театра, в памяти которых сохранился первоначальный вариант постановки и которые знакомы со вторым ее вариантом, не могли не заметить, что они видят по существу новый спектакль. Почему же? Ведь режиссерская интерпретация бессмертной трагедии осталась прежней. Да потому главным образом, что на этот раз в роли Лира выступил Виктор Ростовцев. С его вводом на эту роль изменилась не только интонация спектакля; он приобрел

новую масштабность, стал глубже, значительнее. В Лире Ростовцева основное — человечность. Актер обнажает ее исподволь, но решительно, как только с плеч сорваны королевские одежды, а с души — самодурство неограниченной королевской власти. И тогда трагедия короля возвышается до трагедии целого народа, которым правит деспотизм. Такова сила таланта, помноженная на умение глубоко проникнуть в суть образа.

Однажды известный советский артист О. Жаков обронил горькое замечание: «Актер — профессия безжалостная». Сказано мрачновато, но справедливо. Благороден, заманчив и необыкновенно увлекателен труд артиста. И со стороны незримы его тяжелые вериги. Существует мнение, что искусство в определенной мере моделирует личность художника. Наверное, это так. Но несомненно и обратная связь: художник неосторожно испытывает на себе моральное воздействие своей профессии. И нелегко актеру сохранить душевное здоровье, когда за одну жизнь он должен прожить сотни чужих жизней.

Вот и у Виктора Семеновича Ростовцева в творческом смысле отношения с театром сложны и подчас противоречивы. Потому что бьется в нем тревожно и взволнованно взыскательное сердце большого художника, который легких путей в искусстве не ищет.

Я. ЗВЯГИН.